

Талина  
КОЛОСКОВА

# ИЗМЕНА

Верни меня  
к жизни

Галина Колоскова

**Измена. Верни меня к жизни**

«Автор»

2026

## **Колоскова Г.**

Измена. Верни меня к жизни / Г. Колоскова — «Автор», 2026

Они сидят за столиком у окна. Антон. И Катя. Моя пациентка. Двадцатилетняя студентка, которую я полгода назад оперировала. Резекция лёгкого. Сложный случай, врождённая патология, она могла не выжить, но я вытащила. Помню, что говорила ей перед выпиской:— Ты молодец, Катя, ты справилась. Антон с нежностью гладит её по щеке. Она смотрит на него с обожанием. Сердце сжимает боль. Я молодец, Катя, вытащила тебя. А ты?

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 8  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 16 |
| Глава 4                           | 19 |
| Глава 5                           | 23 |
| Глава 6                           | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# Галина Колоскова

## Измена. Верни меня к жизни

### Пролог

10:00. Я узнаю об измене мужа за час пятнадцать минут до плановой операции.

Вхожу в кафе на первом этаже бизнес-центра — мне нужно выпить чашечку кофе перед суточным дежурством, ещё успеваю. Операция в одиннадцать тридцать, я всё рассчитала, я всегда всё рассчитываю. В очереди два человека, я ещё раз листаю историю болезни. Желчный пузырь с сюрпризом, спайки после предыдущей операции... Внезапно словно кто-то бьёт в бок.

Поднимаю глаза.

Они сидят за столиком у окна.

Антон.

И Катя.

Моя пациентка. Двадцатилетняя студентка, которую я полгода назад оперировала. Резекция лёгкого. Сложный случай, врождённая патология, она могла не выжить, но я вытащила.

Помню, что говорила ей перед выпиской:

— Ты молодец, Катя, ты справилась.

Антон с нежностью гладит её по щеке. Она смотрит на него с обожанием.

Сердце сжимает боль. Я молодец, Катя, вытащила тебя. А ты?

Стою у входа. Мир становится очень чётким, слишком чётким. Я вижу каждую морщинку на его лице, каждую ресничку на её глазах. Слышу, как за моей спиной кто-то заказывает латте с сиропом, как звякает сдача в кассе, как женщина в очереди говорит по телефону: «Нет, я сказала, к трём, не раньше».

Он наклоняется, целует её в висок.

Я разворачиваюсь и выхожу.

Ни скандала. Ни слёз. Ничего.

Только лёд на душе, от которого немеют кончики пальцев.

Сажусь в машину. Завожу двигатель. Еду в больницу. У меня операция через час. Я хирург. Я заведующая отделением торакальной хирургии в федеральном центре. Ко мне приезжают оперироваться со всей страны. Я не имею права на слёзы. Я вообще ни на что не имею права сейчас, кроме как хорошо сделать свою работу.

В ординаторской переодеваюсь. Руки не дрожат. Смотрю на них — тонкие пальцы пятнадцать лет держали не только скальпель, но и его руку. Теперь эта рука гладит по щеке другую.

Лена, моя операционная медсестра, заглядывает в приоткрытую дверь:

— Ася Григорьевна, всё готово. Пациентка под наркозом.

— Иду.

В операционной — стерильность, тишину нарушает писк аппаратуры. Пациентка — женщина, много спаек, будет сложно. Я люблю сложное. Сложное не даёт думать.

Делаю разрез. Работаю два часа.

Когда оперируешь живое тело, видишь пульсирующие сосуды, держишь в руках чью-то жизнь, ты не можешь думать ни о чём другом. Мозг отключает всё лишнее. Только инструменты, только ткани, только каждый миллиметр.

Я благодарна своей работе. В эти два часа я была свободна.

Последний шов. Проверяю дренаж. Всё хорошо.

Выхожу из операционной, стягиваю перчатки, иду к раковине — мыть руки. Смотрю в зеркало. Лицо серое, под глазами синева, губы сжаты в нитку. Я не плакала. Я вообще разучилась плакать или ещё не время?

Выхожу на крыльцо больницы. Морозно, небо чистое, солнц светит, но не греет. Я смотрю вверх и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз вот так смотрела на небо. Не бежала, не думала, не планировала. Просто смотрела.

— Доктор, вы в порядке?

Голос сбоку. Мужской, низкий, с лёгкой хрипотцой.

Поворачиваю голову. На крыльце стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, в дорогом пальто, руки в карманах. Смотрит на меня. Взгляд тёмных глаз внимательный, цепкий. Незнакомец.

— В полном.

— Не похоже, — участливые нотки проскальзывают в голосе. — Замерли статуей, на морозе, без шапки. Замёрзнете.

Откуда взялся такой разговорчивый на мою голову? Отвечаю резко:

— Не ваше дело!

Он усмехается уголками губ:

— С огоньком вы, доктор. Я запомню.

Разворачивается и уходит вниз по ступеням. Я гляжу ему вслед. Потом смотрю на часы. Половина второго. Мне ещё возвращаться в отделение, писать протокол, проверять послеоперационных. Но я не могу. Не могу зайти туда, где спасаю, а потом получаю нож в спину. Не сейчас.

Сажусь в машину и еду в парк.

Сижу на скамейке. Холодно. Я без шапки, пальто нараспашку, но мне всё равно. Я думаю. Вспоминаю. Перебираю в голове последние полгода, как улики. Его задержки на работе. Его «устал, дорогая, давай завтра». Его молчание, когда рассказываю, как провела день. Я думала — усталость, кризис среднего возраста, всё пройдёт.

Звонит телефон. Лена:

— Ася Григорьевна, вы где? Планёрка через полчаса.

Нужно возвращаться. Главврач говорил, что в сосудистой хирургии новый заведующий. Какая-то звезда, приглашённый специалист, будет делить с нами операционные. Вздыхаю. Ещё одна головная боль.

— Еду.

Вхожу в конференц-зал за две минуты до начала. Главврача ещё нет. Сажусь на свободное место. Напротив — пустой стул. На спинке — пальто. Дорогое, чёрное, знакомое.

Дверь открывается.

Входит тот самый мужик с крыльца. Высокий, тёмные волосы с проседью на висках, гладко выбрит, в идеально сидящем костюме. Оглядывает зал. Останавливается взглядом на мне.

Усмехается.

— Итак, коллеги, — обращается к нам, не дожидаясь главврача. — Я Рустам Каримов, заместитель главного врача и новый заведующий отделением сосудистой хирургии. Надеюсь, сработаемся.

Пауза. Смотрит прямо на меня.

— Особенно с вами, доктор... простите, не представились.

Все головы поворачиваются ко мне.

Я медленно встаю. Смотрю ему в глаза. В них — смесь насмешки и любопытства.

— Волина, Ася Григорьевна. Заведующая торакальной хирургией.

— А-а-а... — тянет он. — Наслышан. Волина, которая режет лёгкие как бог и терпеть не может делиться операционными.

Лена рядом давится смешком. Я молчу.

— Что ж, доктор Волина, — он улыбается, но улыбка не добрая, а оценивающая. — Будем знакомы. И, надеюсь, научимся работать в одной песочнице без драк.

Сажусь. Смотрю перед собой. В голове — ни одной мысли. Пустота и странное чувство, что этот человек только что поставил мне диагноз.

Планёрка идёт своим чередом. Каримов говорит о планах, о новых протоколах, о распределении времени в операционных. Я слушаю вполуха. Краем глаза замечаю, что он то и дело бросает на меня взгляды.

После планёрки все расходятся. Я задерживаюсь, собираю бумаги. Он тоже не уходит.

— Доктор Волина! — окликает.

Оборачиваюсь.

— На крыльце вы были не в порядке. Я не ошибся.

— Это не ваше дело, — повторяю я.

— Знаю. — Он пожимает плечами. — Я не лезу в чужие тайны. Но работать нам вместе.

Поэтому — мир?

Протягивает руку.

Смотрю на неё. Большая ладонь с длинными пальцами — хирургическими. Таким рукам можно доверять. Наверное.

Пожимаю.

— Мир, доктор Каримов.

— Рустам, — поправляет он. — Можно просто — Рустам.

Выхожу из зала. В коридоре останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Сердце колотится.

В кармане вибрирует телефон. Антон.

Сбрасываю.

Захожу в лифт. Поднимаюсь в своё отделение. Там ждут пациенты, анализы, протоколы. Там моя жизнь, которую никто не отменял.

И только когда дверь лифта закрывается, я позволяю себе закрыть глаза.

На одну секунду.

Чтобы никто не видел.

## Глава 1

Следующая неделя жизни похожа на ад. Выяснения отношений рвут душу. По словам Антона — я бездушный монстр, со скальпелем вместо сердца. Со мной невозможно жить. Его любовница — ангел. Если мне что-то не нравится, он не держит. Сын отказывается со мной говорить. И для него я монстр, требующий хорошо учиться и посещать секции.

На работе не краше. Первая неделя с новым заведующим сосудистой хирургии тоже ад. Настоящий, медицинский, вывернутый наизнанку ад. Заместитель главврача слишком много на себя взял.

Он цепляется к каждой мелочи. К протоколам, которые я заполняю пятнадцать лет и которые никто никогда не читает. К истории болезни, где я вместо «пальпация» написала «пальпаторно». К тому, как я держу скальпель.

— Волина, вы что, в институте не учились? — спрашивает он через микрофон, находясь за смотровым стеклом. — Рука выше, локтем работайте, а не кистью! Устанете через час.

Я замираю с инструментом в руке. Пациент под наркозом, ассистенты смотрят на меня, Лена закатывает глаза. Я медленно выдыхаю и продолжаю оперировать. Не отвечаю. Не могу. Потому что, если открою рот — вырвется такое... мало не покажется!

После операции он догоняет меня в коридоре:

— Волина, я не договорил!..

Останавливаюсь. Поворачиваюсь. Смотрю в тёмные глаза, в которых ни капли сомнения в собственной правоте. Пытаюсь опустить на землю:

— Слушайте, Каримов!.. Я торакальный хирург с пятнадцатилетним стажем. Провела больше трёх тысяч операций. Ко мне приезжают из других городов, чтобы я их резала. Я, может быть, держу скальпель так, как вам не снилось. Поэтому, пожалуйста, идите в своё отделение и командуйте там. А здесь — моя территория!

Он усмехается. Этой своей кривой усмешкой, от которой у медсестёр поджимаются губы, а у меня чешутся кулаки.

— Ваша территория, Волина, заканчивается там, где начинаются мои пациенты. А они у нас общие, потому что сосуды есть везде. Даже в лёгких. Представляете?

Разворачивается и уходит.

Я стою в коридоре и сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Лена подходит, трогает за плечо:

— Ася Григорьевна, не берите в голову. Он со всеми такой. Сосудистые вообще странные люди, у них давление скачет, вот и бесятся.

— Лена, иди работай.

— Иду, иду...

В кабинете я сажусь за стол и смотрю в одну точку. Пустота внутри такая, что кажется, если сейчас разрезать меня — ничего не найдут. Ни сердца, ни лёгких, ничего. Только серую пыль.

Вспоминаю вечер после разрыва. Как вошла в пустую квартиру, купленную для Артёма. Сын решил остаться с отцом, а в его квартире буду жить я. Я села на пол посреди комнаты и поняла, что пятнадцать лет брака уместились в два чемодана. Два!.. Один с одеждой, второй с книгами по хирургии и парой фотографий. Всё.

Антон даже не позвонил спросить, доехала ли я. Не написал. Ничего.

Словно не он мне изменил, а наоборот. Встаю, подхожу к окну. На улице серо, морозно, люди бегут по своим делам, кто-то везёт ребёнка на санках, кто-то тащит пакеты из магазина. Жизнь продолжается. У всех продолжается. А у меня?

Смотрю на руки, пятнадцать лет обнимавшие мужа, готовившие еду для него и сына, убиравшие дом. Сейчас они просто висят вдоль тела. И внутри — пустота.

— Доктор Волина, вы здесь мёрзните или работаете?

Голос за спиной. Напрягаюсь. Каримов! Опять упражняется в остроумии.

— Вас стучать не учили? Я, кажется, ясно выразилась насчёт границ территории, — отвечаю, не оборачиваясь.

— А я насчёт общих пациентов. У меня вопрос по поводу завтрашней операции. Ваш пациент, подросток с опухолью, у него крупные сосуды рядом. Я хочу посмотреть снимки.

Вот чёрт! Он прав... У того мальчика, действительно, аномалия развития сосудов, я сама переживала, как обходить. Вздыхаю, поворачиваюсь:

— Идёмте, покажу.

Мы идём в смотровую, где висят негатоскопы. Я включаю свет, вешаю снимки. Каримов подходит близко, почти вплотную, всматривается. Я чувствую запах его парфюма — дорогой, сдержанный, с нотками дерева и табака. Почему-то это бесит ещё больше.

— Видите? — тыкаю пальцем в снимок. — Здесь ветвь идёт прямо к опухоли. Если задеть — всё.

— Вижу. — Он тоже тычет пальцем, почти касаясь моего. — Здесь надо заходить через переднее средостение, а не через бок. Тогда сосуды останутся в стороне.

— Я планировала через бок.

— Я вижу. И поэтому говорю — ошибка.

Мы смотрим друг на друга. В его глазах — ни капли злорадства, только профессиональный интерес. Это бесит ещё больше. Потому что он прав. Передний доступ действительно лучше.

— Хорошо, — говорю сквозь зубы. — Я учту.

— Учтите, Волина. И не просто учтите — перепланируйте операцию. Я помогу, если надо.

— Не надо.

— Как скажете.

Он отходит от негатоскопа, смотрит на меня:

— Вы... когда последний раз ели, доктор?

— Не ваше дело.

— Моё. Вы мой коллега, и если упадёте в голодный обморок во время операции, мне вас откачивать! Идите поешьте.

— Я сказала...

— Я слышал, что вы сказали. — Он перебивает спокойно, без агрессии. — Но поймите, Волина: мне плевать на ваши личные драмы. Мне важно, чтобы вы были в форме. Потому что завтра вы будете оперировать человека, и этот человек не виноват, что у вас там что-то случилось.

Я смотрю на него. И вдруг понимаю, что он прав. Опять.

— Идите, — говорит он мягче. — Я посторожу ваше отделение полчаса.

Это звучит так абсурдно, что я чуть не смеюсь. Посторожит моё отделение!.. Как будто он охранник, а не заведующий конкурирующей структурой.

Но я иду. Выхожу в коридор, спускаюсь в столовую, покупаю стакан чая и бутерброд, который не лезет в горло. Смотрю на часы. Сын. Надо позвонить сыну.

Тиму сейчас пятнадцать. Он в том возрасте, когда мать — это функция. Но он мой. И я должна.

Набираю номер. Длинные гудки. Потом холодный, чужой голос:

— Мам, привет.

— Тим, как ты?

— Нормально.

— В школе как?

— Нормально.

— Ел сегодня?

— Мам, я не маленький!

Пауза. Я слышу его дыхание. Он молчит. Я молчу. Потом он говорит:

— Ты... когда заберёшь вещи? Папа сказал, ты съехала.

— Да, Тим. Я съехала.

— Почему?

— Ты знаешь почему.

— Не знаю. Отец говорит, что вы решили разъехаться. А Катя говорит...

Сердце пропускает удар.

— Катя? — перебиваю, с трудом сдерживая злость. — Ты с ней разговариваешь?

— Она живёт у нас. Она нормальная.

У меня останавливается дыхание. Живёт у нас? Уже? Через неделю после того, как я ушла?.. Она уже живёт в моём доме! Спит в моей постели! Готовит завтрак моему сыну!

— Тим, — голос дрожит, я чувствую это, но не могу остановить. — Тим, я приеду к школе, ладно? Мы поговорим.

— Зачем? — спрашивает он. — Ты всё равно вечно в больнице. А она всегда дома. Она готовит. Она спрашивает, как дела. Помогает делать уроки. Ты же так беспокоишься, чтоб я не бросил учиться.

Не могу слышать оды прекрасной любовнице отца от собственного сына. Сбрасываю вызов.

Сажу в столовой, смотрю на остывший чай. Вокруг люди, звон посуды, разговоры, кто-то смеётся. А во мне — ничего. Пустота. Такая плотная, что можно потрогать.

— Доктор Волина, вы в порядке?

Поднимаю глаза. Надо мной стоит медсестра из приёмного покоя, молодая, глаза испуганные.

— Да, — говорю я. — Всё хорошо.

Встаю, оставляю нетронутый бутерброд на столе и иду наверх. В отделение. В работу. В единственное место, где я ещё что-то значу.

Вечером не уйду. Сажу в ординаторской, листаю истории, проверяю протоколы, делаю всё, что можно и нельзя, только бы не идти в пустую квартиру. Лена заглядывает:

— Ася Григорьевна, вы домой?

— Позже.

— Ась, — она подходит и садится рядом. — Ну скажите мне, что случилось? Я же вижу.

Смотрю на неё. Лена работает со мной десять лет. Она видела меня в гневе, в усталости, в эйфории после сложных операций. Но такой — в первый раз.

— У меня всё хорошо, Лен.

— Врёте.

— Я не готова говорить... — Улыбаюсь. Криво, наверное. — Иди домой. Завтра трудный день.

Она вздыхает, встаёт, идёт к двери. На пороге оборачивается:

— Ася Григорьевна, если что — я рядом. Вы знаете.

— Знаю, Лена. Спасибо.

Она уходит. Я остаюсь одна. Смотрю на часы. Половина десятого. Можно ещё посидеть. В коридоре шаги. Дверь открывается. Каримов.

— Вы ещё здесь? — спрашивает он.

— А вы?

— У меня ночной пациент. Аневризма, экстренная. — Он садится напротив. — А вы что?

— Работаю.

Он смотрит на меня долго, изучающе. Потом говорит:

— Знаете, Волина, я тоже через это прошёл. Когда жена умерла, я первые полгода жил в больнице. Спал в ординаторской, ел, когда вспоминал. Работа — лучшее лекарство от боли. Но она же и убивает, если переборщить.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Он встаёт:

— Ладно, пойду. А вы идите домой. Завтра трудный день.

— Вы уже говорили.

Отдаёт приказ железным голосом:

— Повторю. Идите, Волина. Домой!

Закрывает дверь.

Я сижу ещё час. Потом собираюсь и еду в пустоту. В квартиру, где пахнет чужой жизнью и где никто не ждёт.

Засыпаю под утро, прямо в одежде, на диване.

Снится сын. Он смотрит на меня холодными глазами и говорит: «Ты вечно в больнице, мама. А она дома».

Просыпаюсь от собственного крика.

И понимаю: это только начало.

## Глава 2

Полчаса стою под душем, пытаюсь смыть с себя вчерашний день. Не смывается. Вода горячая, пар застилает зеркало, но я всё равно вижу своё лицо — серое, осунувшееся, с синяками под глазами, которых не скрыть никаким тональным кремом.

Смотрю на себя и думаю: сколько ещё?

Сколько ещё таких утр? Сколько ещё попыток встать и сделать вид, что я жива?

Завтрак — стакан воды, потому что кусок в горло не лезет. Кофе, который обжигает губы, но я даже не чувствую. Выхожу из квартиры и иду к машине. Ноги несут сами, голова отключена, только где-то глубоко внутри ноет. Ноет постоянно, как зуб, который давно надо удалить, но всё никак.

В больницу приезжаю за полчаса до планёрки. Захожу в отделение — Лена уже на посту, глаза горят.

— Ася Григорьевна, вы слышали? — шепчет она. — Говорят, сегодня новое распределение операционных будут объявлять. Наш новый зам уже с главврачом совещался.

— Лена, откуда у тебя всегда такая информация?

— У меня свои источники... — Она подмигивает. — Вы держитесь, ладно? Я за вас!

— Лена, иди работай.

— Иду, иду...

Захожу в ординаторскую, переодеваюсь, смотрю расписание. У меня сегодня две операции: одна плановая, одна уже перенесённая с прошлой недели, потому что не было места. Надеюсь, сегодня успеем.

В конференц-зал вхожу за минуту до начала. Все уже на местах. Лена машет мне — место рядом с ней занято, но я вижу свободное в другом конце. Сажусь. Напротив — Каримов. Уже сидит, разложил бумаги, в руках кофе. Смотрит на меня коротко, кивает. Я не отвечаю.

Главврач начинает с текущих вопросов. Отделение статистики, отчёты, новые приказы. Я слушаю вполуха, краем глаза слежу за Каримовым. Он спокоен, уверен в себе, пальцами постукивает по столу. Раздражает.

— И последнее, — говорит главврач. — По новому распределению операционных. У нас увеличился поток экстренной хирургии, особенно сосудистой. Поэтому, Рустам Равильевич, вам выделяется дополнительное время. То есть, коллеги, с понедельника операционные номер три и пять будут работать по новому графику. Торакальная хирургия, соответственно, освобождает часть своего времени.

Я медленно поворачиваю голову к главврачу.

— То есть как — освобождает? — голос звучит ровно, но внутри уже закипает.

— Ася Григорьевна, — главврач смотрит на меня поверх очков. — Ваши плановые операции можно перенести. А сосудистая экстренность не ждёт.

— Мои плановые, — говорю, вставая, — это люди, которые ждали операции по полгода! У меня пациентка с онкологией, которой дорог каждый день. У меня подросток с опухолью средостения, которого я готовлю к сложнейшему вмешательству. И вы говорите, что я должна освободить время?

— Волина... — главврач вздыхает. — Никто не отменяет ваших пациентов! Просто перераспределяем часы.

— Перераспределяем?! — я уже не контролирую голос. — Вы забираете у меня операционную, в которой я работаю почти пятнадцать лет, и называете это перераспределением?

— Ася Григорьевна, успокойтесь.

— Я спокойна.

— Вы кричите.

— Я говорю.

В зале тишина. Все смотрят на нас. Лена замерла с открытым ртом. Медсёстры переглядываются. Кто-то сзади шепчет: «Ого, Волина даёт».

И тут поднимается Каримов.

— Разрешите, — он обращается к главврачу. Тот кивает. Каримов поворачивается ко мне. Спокойный, невозмутимый, с кривой усмешкой на жёстких губах.

— Доктор Волина, я понимаю ваше возмущение. Но давайте посмотрим правде в глаза. Ваши плановые пациенты могут подождать день-два. Мои экстренные — нет. Если у меня на столе человек с разорвавшейся аневризмой, у него нет этих двух дней. У него есть минуты.

— Я знаю, что такое экстренная хирургия, — отвечаю, сжимая в карманах халата кулаки. — Я тоже работаю с жизнью и смертью. Но мои пациенты — не статистика! Они живые люди, доверившиеся мне. Я не могу сказать им: «Извините, подождите, у нас теперь сосудистая важнее».

— Я не сказал, что важнее. — Каримов делает шаг вперёд. Теперь мы стоим друг напротив друга, и зал затаил дыхание. — Я говорю о приоритетах. Это медицина, Волина. А не ярмарка тщеславия.

— Тщеславия?.. — у меня перехватывает дыхание. — Вы называете мою заботу о пациентах тщеславием?

— Я называю тщеславием то, что вы не хотите уступить, потому что не можете признать, что кто-то другой тоже важен. Это не война за территорию. Это работа. И если вы этого не понимаете...

— Я всё понимаю! — перебиваю. — Я понимаю, что вы здесь новенький и хотите показать себя. Я понимаю, что вам нужно место под солнцем. Но не за счёт моих пациентов!

Каримов смотрит на меня долго, очень долго. В его глазах — не злость, не раздражение, а что-то похожее на понимание.

— Волина, — говорит он тихо. — Я не враг вам. Правда.

— Выглядит иначе.

— Выглядит — это одно. А по факту — я делаю свою работу. Как и вы. Давайте не будем делить шкуру неубитого медведя. У нас обоих есть пациенты, которые нуждаются в нас. Давайте работать.

Он садится. Я стою. В зале тишина, только часы на стене тикают. Главврач кашляет:

— Ася Григорьевна, садьте, пожалуйста. Мы продолжим.

Я медленно опускаюсь на стул. Прячу под стол дрожащие руки. Смотрю перед собой, но ничего не вижу. В ушах его слова: «Ярмарка тщеславия».

После планёрки все расходится. Лена подлетает ко мне в коридоре:

— Ася Григорьевна, это было нечто! Вы видели, как он побледнел? А как вы ему! Горжусь вами!..

— Лена, — останавливаю поток слов болтушки. — Никем не надо гордиться. Просто иди работай.

— Но он неправ! Вы боретесь за дело!

Смотрю на неё. Она искренне верит, что я борюсь за дело. А я сама уже не знаю, за что я борюсь. За пациентов? За справедливость? Или потому, что внутри так пусто, что любой конфликт заполняет эту пустоту?

— Лена, готовь операционную. У нас через час резекция.

— Есть!

Она убегает. Я иду к себе. В ординаторской сажусь за стол, закрываю глаза. Голова гудит. В висках стучит.

Звонит телефон. Антон.

Только его сейчас не хватало!

Сбрасываю.

Он снова звонит.

Снова сбрасываю.

Третьего раза нет. Он присылает сообщение: «Ася, нам надо поговорить. Я приду сегодня в больницу».

Смотрю на экран. Пальцы немеют. Чего он хочет? Убедиться, что я на людях не устрою скандал? Объяснить, что она лучше? Добить?

Пишу: «Не надо».

Отправляю. Выключаю звук.

В дверь стучат. Не открывая глаз, говорю:

— Войдите.

Входит Каримов.

— Волина, я на минуту.

Открываю глаза. Смотрю на него. Он стоит в дверях, в руках — папка с бумагами.

— Если вы пришли продолжать... — начинаю с угрозой.

— Нет. — Он закрывает дверь и садится напротив. — Я пришёл сказать, что понимаю вашу злость. Но я не могу уступить. Потому что... если уступлю сейчас, потом будет хуже. Для всех.

— Для всех или для вас?

— Для пациентов, Волина. Только для них! — Он кладёт папку на стол. — Вот, посмотрите. Статистика экстренных поступлений за последний месяц. У меня люди умирали, пока ждали операционную. Не потому что я плохой хирург, а потому что не было места. Я не хочу, чтобы так было дальше. Вы бы хотели?

Я молчу. Листаю бумаги. Цифры, даты, диагнозы. Две смерти. Два человека, могли бы жить, будь хоть одна операционная свободной.

Смотрю на него.

— Почему вы показываете это мне?

— Потому что хочу, чтобы вы поняли. Это не война. А жизнь. И смерть. Мы по одну сторону баррикад, Волина. Против болезни. Против времени. Против всего, что убивает людей. Мы не враги.

Он встаёт. Идёт к двери. На пороге оборачивается:

— И да, я видел, что вам звонили. Не отвечайте, если не хотите. Но если захотите поговорить — я умею слушать.

Дверь закрывается.

Я сижу, смотрю на бумаги. Две смерти. Две семьи, получившие извещения. Два раза хирург не успел прооперировать.

Сжимаю виски, осознав, что моя боль — она только моя. А эти люди... Хотели жить.

Вечером, перед уходом, захожу в кабинет Каримова. Он сидит за столом, что-то пишет. Поднимает глаза.

— Волина? Что-то случилось?

— Ничего, — продавливаю через горло: — Я хотела сказать... Я поняла. Про операционные. Я не буду мешать.

Он смотрит удивлённо. Потом кивает:

— Спасибо. Очень смело — признать...

Уверена, он прикусил язык, чтоб не добавить «ошибки». Не знаю, как отреагировал бы мой внутренний «ёжик», услышав это. Но и его похвала раздражает не меньше наездов с усмешками. Выплёвываю, чуть не с ненавистью:

— Не смело, а правильно!

Разворачиваюсь и ухожу.

В коридоре сталкиваюсь с Антоном. Он стоит у поста, с цветами и виноватой физиономией. Смыкаю на несколько секунд веки с внутренним возгласом: «Боже, за что мне это?!» Лицо, которое я столько лет любила, сейчас вызывает тошноту.

— Ася... — он делает шаг ко мне.

Выставляю ладонь, покачивая головой:

— Не подходи.

— Ася, пожалуйста, выслушай...

— Я сказала — не подходи!

Прохожу мимо. Иду быстрым шагом к лифту. Он за мной. Гундит в спину:

— Ты не имеешь права просто исчезнуть из моей жизни!

Лифт открывается. Я вхожу. Он пытается зайти следом.

— Антон, — рычу, глядя ему в глаза. — Это твой выбор! Пятнадцать лет ты спал в постели со мной, но выбрал её. Живи с этим!

Двери закрываются. Время останавливается, растягивая секунды в минуты. Створки, поблёскивающие хромированным металлом, постепенно смыкаются. Смотрю на удивлённое лицо, становящееся всё уже и уже, пока не исчезает совсем.

Я в лифте одна. Прислоняюсь затылком к стене. Закрываю глаза.

И, наконец, позволяю себе выдохнуть.

## Глава 3

Возвращаюсь в квартиру сына. Мысли крутятся вокруг единственного ребёнка. Уже жалею, что не сняла жильё рядом с больницей. Здесь всё напоминает о разрушенном счастье. Мы думали, что Тим будет жить в этой квартире, когда поступит в университет. Светлая однушка в новом доме, с большими окнами, с видом на парк. Я так старалась, чтобы ему здесь нравилось.

Теперь это моя клетка.

Стою перед подъездом и смотрю на двадцать первый этаж. Там, за стеклом, темно. Никто не ждёт, не заваривает чай к моему приходу. Никто не спросит как прошёл мой день.

Лифт пахнет новой пластмассой и свежим ремонтом. Еду наверх с колотящимся сердцем. Я здесь хозяйка, но почему тогда так страшно переступать порог?

Дверь металлическая, тяжёлая, с хорошим замком — я выбирала самый надёжный. Ключ поворачивается легко, щелчок — и я внутри.

Замираю.

Стерильно. Чисто. Идеально.

В прихожей — встроенный шкаф, который я заказывала по своим чертежам. Пустой. Длинное зеркало напротив. Я вижу в нём своё отражение: женщина в дорогом пальто, с лицом, на котором нет ни одной эмоции. Усталость лишает последних сил.

Прохожу в комнату.

Здесь всё новое, всё с иголочки. Диван — тёмно-синий, кожаный, я выбирала его три часа в салоне. Стеллаж для книг, стол у окна, кресло. На подоконнике — горшок с фикусом, который я купила в день подписания договора, чтобы «оживить пространство». Фикус засох. Стоит коричневый, жалкий, с опущенными листьями.

Поливать его было некому.

Сажусь на пол.

Прямо посреди комнаты. На идеально чистый ламинат, пахнувший деревом и лаком. Смотрю на чемоданы. Два. Один чёрный, второй тёмно-синий. Всё, что осталось от пятнадцати лет.

Нужно их разобрать. Возврата старый дом не будет, даже если на подкорке мозга были такие мысли. Сверху лежат рабочие вещи. Ниже — свитера, джинсы, пара платьев, которые надеваю по праздникам. Ещё ниже — фотографии. Я не помню, как они оказались в чемодане. Наверное, руки сами собирали, пока голова была отключена.

Достаю одну.

Мы с Тимом. Ему здесь пять лет, он сидит у меня на коленях, улыбается, показывает пальцем на что-то за кадром. Я смеюсь...

Я помню тот день: парк, утки, мороженое, и Антон нас снимает. Антон. Муж. Который тогда ещё был моим.

Смотрю на фотографию и пытаюсь вспомнить, когда всё пошло не так? Когда я перестала быть для него женщиной и стала удобным приложением? Может, когда Тим пошёл в школу? Или, когда я получила заведование? Или развал семьи происходил постепенно, день за днём, как вода точит камень? Или я предпочитала не замечать?

Кладу фотографию обратно. Закрываю чемодан.

Сижу на полу. Смотрю в стену. За окном темно, только огни города светятся далеко внизу. Где-то там люди спешат домой, где их ждут. А у меня — два чемодана и квартира, которую я покупала для сына, а теперь живу в ней сама. За окном темно, только фонари сияют тусклым оранжевым светом. Где-то лает собака. Соседи сверху громко разговаривают, слышен мужской голос и женский смех. У них, наверное, всё хорошо.

Звонит телефон.

Мама.

Смотрю на экран. Мама. Человек, который всегда знает, когда мне плохо. Даже за тысячу километров знает.

— Асенька!.. — взволнованно восклицает она вместо приветствия. — Я всё знаю. Тим рассказал.

Молчу. Сжимаю смартфон так, что костяшки белеют.

— Ась, ты как?

— Нормально, мам... — Голос звучит ровно. Слишком ровно. — Работаю.

— Ася, не ври мне! Я твоя мать. Я слышу, как ты говоришь.

— Я не вру, мам. Правда. Работа есть, крыша над головой есть. Квартира своя, ты же знаешь. Я её для Тима покупала, теперь сама проживу.

— Своя... — эхом отзывается она. — Это хорошо. Своя — значит, никто не выгонит.

— Никто, мам.

— А Тим? Он как?

Закрываю глаза. Тим. Сын, оставшийся с отцом. Заявивший мне: «Ты вечно в больнице, а она дома». Сглатываю ком, перед тем, как ответить:

— Нормально, мам. У него школа, друзья. Он взрослый уже.

— Ася, — мамин голос дрожит. — Я знаю, ты сильная. Ты всегда была сильной. С детства. Но иногда надо позволить себе быть слабой. Хотя бы с мамой.

— Мам, я не могу. Если я сейчас разрешу себе расслабиться, я развалюсь. Понимаешь? Развалюсь на куски. И не соберу потом. А у меня работа. У меня пациенты. Я не имею права.

Кусаю губы, борясь со слезами. Если бы можно было, как в детстве уткнуться в тёплые колени всегда прощающего меня человека и выплакаться.

Она молчит. Потом тихо, словно прочитав мои мысли:

— А кто имеет право, доченька? Кто имеет право тебя пожалеть?

Хочется закричать: «Кто кроме тебя, мамочка?!» Но ни за что не стану взваливать на неё свою боль.

— Никто, мам... — глотаю второй комок. — Я сама себя пожалею. Когда-нибудь. Потом.

— Господи, Ася... — Она всхлипывает. — За что тебе это?

— Не знаю, мам. Наверное, ни за что. Просто так бывает.

Мы молчим. Слышу, как она дышит в трубку, как старается не разреветься. Я сама готова реветь. Мы две души единого целого по разные стороны связи. Мне горько, что принесла ей боль. Мама. Ей семьдесят, у неё давление, а она переживает за меня.

— Мам, — успокаиваю. — Всё будет хорошо. Правда. Я сильная. Я выдержу.

— Выдержишь, — эхом отзывается она. — Ты всегда выдерживала. Только не молчи, ладно? Звони. Пиши. Мне важно знать, что ты жива.

— Буду, мам. Обещаю.

— Я люблю тебя, доченька.

— Я тебя тоже, мам.

Сбрасываем вызов одновременно.

Сижу на полу, смотрю в одну точку. Комок в горле растёт, давит, не даёт дышать. Я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. Нельзя! Если я сейчас закричу, если разрешу себе хоть звук — остановиться не смогу. Соседи сверху всё ещё смеются. Собака лает. Где-то далеко сигналит машина. Жизнь продолжается.

Встаю. Иду на кухню.

Здесь всё новое, блестящее, пахнет техникой и чистотой. Холодильник пустой — я не успела купить продукты. В шкафчиках — только чайные пакетики, сахар и крупы, которые я закупила когда-то для Тима. Ставлю чайник. Жду.

Чай горячий, обжигает губы. Я сажусь за стол, смотрю в окно. Двадцать первый этаж, весь город как на ладони. Огни, машины, чужие жизни.

Думаю о Тиме. О том, что он сказал. «Она дома». Она. Катя. Двадцатилетняя девочка, которой я спасла жизнь, теперь живёт в моём доме. Спит в моей постели. Завтракает с моим сыном.

Как это вышло? Как я пропустила момент, когда моя жизнь перестала быть моей? Смотрю в окно. Напротив — такой же дом, такие же окна, в некоторых горит свет. Там люди. Живут. Ссорятся, мирятся, любят, ненавидят. А у меня внутри — пустота. Такая плотная, что её можно резать скальпелем.

Телефон вибрирует. Лена: «Ася Григорьевна, завтра операция в 8. Я всё проверила, пациент готов. Высыпайтесь!»

Высыпайтесь. Смешно.

Пишу: «Спасибо, Лена. До завтра».

Иду в комнату. Ложусь на огромный диван. Смотрю в потолок.

Вспоминаю, как мы с Антоном покупали наш первый диван. Маленький, дешёвый, не очень удобный. Как хохотали в магазине, потому что не могли выбрать между тёмно-синим и бежевым. Как потом пили чай, сидя на том диване, мечтали о будущем.

Какие мы были глупые. Какие счастливые.

За окном светает. Я закрываю глаза.

Утром операция. Утром я снова буду делать то, что умею лучше всего. Спасать.

А себя?

Меня спасать некому.

Но я привыкла. Я сильная. Я выдержу.

Я должна.

## Глава 4

Утром Лена влетает в ординаторскую без стука. Настолько не похоже на неё, что сразу понимаю: случилось что-то серьёзное.

— Ася Григорьевна, — выдыхает она, прижимая руку к груди. — Там такое... В приёмном поступление. Мальчик, шестнадцать лет. Опухоль средостения. Огромная, на снимках — как кулак. От него уже все отказались.

— Что значит отказались?

— Он из области. Был в двух федеральных центрах, там развели руками. Слишком сложно, слишком близко к сосудам, к сердцу. Родителям сказали: готовьтесь к худшему.

Я смотрю на неё. Внутри шевелится чувство, что всегда заставляет меня браться за безнадежных. Азарт и безудержное желание отобрать у смерти слишком рано приговорённую душу.

— Где история?

— У меня, — Лена протягивает толстую папку. — Я уже забрала, пока они оформлялись.

Листаю. Снимки КТ, выписки, заключения. Действительно, всё плохо. Опухоль в переднем средостении, спаяна с перикардом, прилегает к дуге аорты, сдавливает левый главный бронх. Мальчик уже с одышкой, похудел, кашляет. Ещё немного — и начнутся осложнения.

— Где он сейчас?

— В приёмном. Мать с ним, отец в дороге, едет из области.

— Иду.

В приёмном покое — обычная суета. Кого-то везут на каталке, кто-то сидит с номерком в очереди. Я прохожу сразу в смотровую, минуя регистрацию. Меня здесь знают.

Мальчик сидит на кушетке, свесив ноги. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. Обычный подросток в растянутой толстовке с капюшоном, на котором нашивка какой-то рок-группы. Рядом — женщина лет сорока, заплаканная, в руках сжимает пакет с документами.

— Здравствуйте, — представляюсь. — Я Ася Григорьевна, заведующая торакальной хирургией.

Женщина вскакивает:

— Доктор, умоляю, посмотрите... Нам везде сказали, что ничего нельзя сделать... А он же ребёнок, он хочет, он должен жить...

— Тише, — останавливаю поток слов, начинающий переходить в истерику. — Давайте по порядку. Как вас зовут?

— Ольга Ивановна. А это Саша.

Смотрю на мальчика. Он поднимает глаза. В них — не страх, не отчаяние, а взрослая, недетская обречённость.

— Саша, — произношу с улыбкой. — Можно я послушаю твои лёгкие?

Он кивает. Я прикладываю фонендоскоп. Дыхание ослаблено слева, слышны хрипы. Опухоль давит на бронх.

— Тяжело дышать?

— Иногда, — отвечает он. Голос тихий, хриловатый. — Когда бегаю. Но я сейчас не бегаю.

— Понятно.

Отхожу, смотрю снимки ещё раз. Да, сложно. Очень сложно. Но не безнадежно.

— Ольга Ивановна, — поворачиваюсь к матери. — Я возьму вашего сына. Мы проведём диагностику, сделаем необходимые исследования. Если мои предположения подтвердятся, будем готовить к операции.

Она смотрит на меня с недоверием:

— Но нам говорили... В Москве говорили, что нельзя...

— В Москве много кто что говорит. Я говорю — можно. Не обещаю стопроцентного успеха, но обещаю, что сделаю всё возможное. И даже невозможное.

Саша вдруг улыбается. Слабо, одними уголками губ.

— А вы правда сможете? — спрашивает он.

— Правда, — отвечаю, положив ладонь на острое плечо. — Я очень упрямая.

Он кивает. В больших глазах появляется надежда.

Забираю историю, даю распоряжения Лене насчёт госпитализации и иду к себе. Успеваю сделать несколько шагов по коридору и нарываюсь на Каримова.

— Волина, я слышал, вы взяли того подростка.

— Ваше дело — сосудистая хирургия, Каримов. Торакальная — моя.

— Дело в том, — он идёт рядом, — что у него рядом с опухолью крупные сосуды. По снимкам видно — аномалия развития. Если будете резать вслепую, рискуете задеть подключичную артерию.

Останавливаюсь. Смотрю на него:

— Я в курсе.

— И что вы планируете?

— Планирую сначала сделать диагностическую торакоскопию. Посмотреть, что там на самом деле. А потом решу.

Он кивает. Задумчиво так.

— Можно я посмотрю снимки?

— Зачем?

— Интересно.

Пожимаю плечами. Идём в ординаторскую. Я вешаю снимки на негатоскоп. Каримов подходит близко, вглядывается. Долго молчит.

— Бездённый?

Передо мной картинка бледного лица с большими глазами полными надежды.

— Посмотрим.

Он усмехается кривой, раздражающей усмешкой.

— Упрямая вы, Волина.

Если бы он знал, сколько раз за свою карьеру я это слышала.

— Это не упрямство, а работа.

— Работа — это когда есть шанс. А здесь...

Ещё один сомневающийся. Хочется выругаться.

— А здесь мальчик шестнадцати лет. Всего на год старше моего сына. У него вся жизнь впереди. И если я не попробую то, кто? Те, кто развёл руками? — Смотрю ему прямо в глаза. — Простите, но я не умею разводить руками, Каримов, а тем более нарушать обещания. Я не предаю, а буду бороться!

Выхожу из ординаторской. За спиной слышу его тихий смешок.

Через два дня — диагностическая операция.

Вхожу в операционную в семь утра. Саша уже под наркозом, лежит на столе, худенький, беззащитный. Лена подаёт инструменты, анестезиолог докладывает показатели. Всё готово. Дело за мной. На секунду смыкаю веки и в бой.

Выполняю разрез. Ввожу торакоскоп.

И вижу.

Опухоль действительно огромная, занимает почти всё переднее средостение. Но она не так плотно спаяна с сосудами, как казалось на снимках. Есть прослойка, есть возможность выделить.

Работаю. Медленно, осторожно, миллиметр за миллиметром. Пот заливает глаза, Лена промокает салфеткой. Я даже не замечаю.

Через час понимаю: кто-то стоит за спиной.

Каримов.

Чувствую его присутствие, хотя он не произносит ни звука. Стоит, наблюдает. Смотрит на монитор, на мои руки, на то, как я препарирую ткани.

Ещё час.

Беру биопсию, тщательно, с запасом, чтобы гистологи могли точно определить тип опухоли. Проверяю гемостаз. Всё чисто. Объявляю анестезиологу:

— Заканчиваю.

— Давно пора, — он бросает взгляд на дверь. — Два с лишним часа, Ася Григорьевна. Два часа? А я и не заметила.

Закрываю доступ, накладываю швы. Последний узел — и позволяю себе выдохнуть.

— Всё, Лена. Отдавайте в реанимацию.

— Есть.

В предоперационной стягиваю перчатки, мою руки. Смотрю на себя в зеркало. Лицо красное, волосы выбились из-под шапочки, глаза горят. Вот сейчас я живая. Работаю. Спасая.

— Неплохо, Волина.

Голос за спиной. Значит, Каримов стоит в дверях операционной, прислонившись плечом к косяку. Я и забыла о нём.

— Вы ещё здесь? — спрашиваю, не оборачиваясь.

— Наблюдал.

— И как?

— Неплохо, — повторяет он. — Очень чистая работа. Особенно с учётом того, как вы устали.

Удивительная способность выбесить меня на ровном месте. Огрызаюсь:

— Я не устала!

— Врёте.

Поворачиваюсь. Смотрю на него. Он серьёзен, в глазах — ни тени насмешки.

— Спасибо за оценку, Каримов. Но я пойду писать протокол.

Обхожу его. Он не двигается, только чуть поворачивает голову, провожая взглядом.

Наглый, самодовольный столб!

В коридоре останавливаюсь. Прислоняюсь к стене. Закрываю глаза. Он не понимает, что в операционной я спасаюсь.

Два с лишним часа морального отдыха. Два с лишним часа я не думала об Антоне. Не думала о Кате. Не думала о том, что моя жизнь рухнула!.. Только работа. Только Саша. Только скальпель и ткани.

В ординаторской сажусь за стол и начинаю писать протокол. Руки дрожат — адреналин отпускает. Но внутри — странное, забытое чувство. Тепло. Я сделала то, что должна была. Я дала этому мальчику шанс.

Заходит Лена с чаем. Улыбнуться бы, но нет сил. Знаю, что скажет она. Лена знает, что услышит в ответ, но мы обе делаем это:

— Ася Григорьевна, вы гений! Я смотрела на монитор — это же филигранно...

— Лена, иди работай.

— Иду, иду. Но вы правда гений!

Она уходит. Я пью чай. Смотрю в окно.

Завтра придут результаты биопсии. Если опухоль чувствительна к химии, будет шанс на полное удаление. Если нет... Не думать. Не загадывать.

В дверь стучат. Не открывая глаз, говорю:

— Войдите!

Шестым чувством понимаю кого сейчас увижу и оказываюсь права.

Каримов ставит на стол стакан с кофе.

— Это вам.

— У меня есть чай.— бурчу в ответ.

— Чай не то. Вы больше двух часов стояли, кофе нужнее.

Он умеет соглашаться хоть с кем-то? Даже тем, что хочет угодить, умудряется раздражать. Как-то много Каримова рядом со мной. Ёжусь. Смотрю на него ожидая наглой ухмылки. Он на удивление серьёзен.

— Спасибо, — расслабляюсь.

— Пожалуйста. — Он садится напротив. — Можно вопрос?

— Валяйте.

— Почему вы взялись за этого мальчика? Правда. Не для протокола.

Что из того, что сказала ему в первый раз он не понял? Или это проверка на «до» и «после»? Ждёт, что теперь испугалась и поменяю мнение? Он ещё не знает, что я не умею переобуваться в воздухе. В этот раз думаю. Смотрю на свои руки.

— Потому что я не умею отказывать. Потому что... когда я вижу ребёнка, который смотрит на тебя и молча просит о помощи, я не могу пройти мимо. Потому что, если не я, то кто?

Он кивает.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не только упрямая, но и добрая. Это редко встречается в нашей профессии.

— В нашей профессии нет места доброте, Каримов.

— Неправда. — Он качает головой. — Без доброты работа становится ремеслом. А у вас — призвание.

Встаёт, идёт к двери. На пороге оборачивается:

— Завтра, когда придут результаты, скажите мне. Я помогу. Этот мальчик теперь и мой пациент тоже. Сосуды рядом. Я в ответе за то, чтобы вы их не задели.

Усмехается и уходит.

Я сижу, смотрю на кофе. Пью. Горький, крепкий, обжигает.

Сегодня, впервые за долгое время я не чувствую пустоты.

Звонит телефон. Мама.

— Ась, как ты?

— Работаю, мам.

— Операция прошла?

— Да. Всё хорошо.

— Ты молодец, доченька. Я горжусь тобой...

После разговора отключаюсь. Смотрю в окно. Там уже вечер, зажигаются огни.

Завтра будет новый день. Новая борьба. Новая надежда.

Это и есть жизнь.

## Глава 5

Рабочий день начинаю с обхода. Захожу в реанимацию, осматриваю Сашу. Мальчик бледный, но глаза ожили, смотрят на меня с надеждой.

— Ася Григорьевна, — слабый голос едва слышен. — У меня всё хорошо?

— Всё хорошо, Саша. Биопсию взяли, теперь ждём результаты. Ты молодец, держишься отлично.

Он пытается улыбаться.

— А меня скоро переведут в палату?

Обещаю:

— Сегодня. Если температура будет нормальная и показатели хорошие.

— Спасибо, — шепчет он. — Мама сказала, вы наша последняя надежда.

Я сжимаю его руку поверх одеяла:

— Держись. Выздоровливай. Для меня это станет лучшим спасибо.

Выхожу из реанимации, иду к себе. На первом этаже нужно забрать новые истории из приёмного.

Спускаюсь на лифте. Двери открываются, я выхожу, делаю несколько шагов к регистратуре.

И замираю.

Катя стоит у стойки. Сжимает в руках какие-то бумаги, растерянно оглядывается по сторонам. Моя бывшая пациентка. Девочка, которая теперь живёт в моём доме. С моим мужем. С моим сыном.

Она бледная. Очень бледная, даже губы белые. Под глазами круги, волосы собраны в небрежный хвост. Выглядит потерянной и испуганной.

Наши взгляды встречаются.

Катя вздрагивает. Щёки заливаются краской, она отводит глаза, прижимает файлы к груди, будто они могут её защитить. Пальцы дрожат.

Смотрю на неё. Одна секунда. Две. Три.

В душе — пустота. Нет, не пустота. Холод. Такой сильный, что, кажется, сейчас всё внутри заледенеет и рассыплется на куски.

Делает несколько шагов в мою сторону.

— Ася Григорьевна... — шепчет тонким, испуганным голосом. — Я... я не знала, что встречу вас здесь.

Молчу. Гляжу сквозь её. Если заговорю — сорвусь. Не стоит она того.

— Я на обследование, — продолжает она, оправдываясь. — Мне назначили контрольную КТ. Я не специально... я не думала...

Она замолкает. Смотрит на меня огромными глазами, в которых плещется страх. Или вина? Или и то, и другое?

Я делаю шаг. Потом ещё один. Прохожу мимо неё, даже не замедляясь. Беру со стойки истории, оставленные для меня Леной. Разворачиваюсь и иду обратно к лифту.

— Ася Григорьевна!.. — несётся мне в спину.

Не оборачиваюсь.

Лифт открывается. Я вхожу. Двери закрываются. И только тогда позволяю себе выдохнуть и прислониться к стене.

Закрываю глаза. Сердце колотится в горле, мешает дышать. Руки дрожат, я сжимаю истории так, что бумага мнётся.

Она пришла в мою больницу!

Стоит здесь, в моём холле, дышит одним со мной воздухом, топчет пол, по которому я хожу!

Зачем? Контрольная КТ? Правда? Или она хотела меня увидеть? Убедиться, что я страдаю? Добить?!

Выкидываю из головы. Нельзя думать! Работа — единственное спасение. Если я сейчас разрешу себе думать о ней, об Антоне, о том, что они вместе, я развалюсь. Прямо здесь, в лифте, развалюсь на куски!

Лифт останавливается. Двери открываются. Выхожу в коридор своего отделения. Здесь пахнет лекарствами, чистотой, работой. Здесь моя территория. Здесь я сильная!

Захожу в ординаторскую, кладу истории на стол. Сажусь. Смотрю на руки. Они всё ещё дрожат.

— Ася Григорьевна, вы чего такая бледная? — Лена заглядывает в дверь. — Что случилось?

— Всё нормально, Лена.

— Не нормально, — она входит и садится напротив. — Я же вижу. Что-то случилось в холле? Вы там долго были...

Молчу. Смотрю в окно.

— Она приходила? — вдруг спрашивает Лена тихо. — Та девчонка?

Поворачиваю голову. Смотрю на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Лена всё знает, — она вздыхает. — Ася Григорьевна, я же с вами десять лет. Я видела её фотографии в вашем телефоне, когда вы мне показывали сложный случай. И потом... ну, слухи ходят. Про Антона Аркадьевича. Про то, что он с ней. Простите.

Я отворачиваюсь. Смотрю в окно. За стеклом серое небо, начинается снегопад. Крупные хлопья падают медленно, красиво.

— Она на КТ пришла, — бормочу тихо. — Контрольная, после операции.

— Врёт, — Лена фыркает. — Ей ещё рано. Вы сами говорили, следующий контроль через полгода. А прошло только четыре месяца.

Хмурюсь. Лена права. Я сама назначала этот контроль и забыла на нервах. Он должен быть через два месяца. Не сейчас.

— Значит, врёт, — повторяю за ней.

— Ася Григорьевна, может, сказать охране, чтобы не пускали? Внести в список нежелательных лиц...

— Нет, Лена. Не надо.

— Почему?

— Потому что это моя больница. И я не буду прятаться от какой-то девчонки. Пусть приходит, если чувство вины гонит ноги. Мне нечего стыдиться.

Лена смотрит на меня с уважением.

— Вы сильная, Ася Григорьевна. Я б на вашем месте...

Отсекаю обсуждение моих действий. Не люблю, когда лезут в душу.

— Ты не на моём месте, Лена. Иди работай.

Она уходит. Я остаюсь одна. Сажусь, смотрю на снег. Мысли крутятся, вокруг Кати.

Зачем она пришла? Почувствовать своё превосходство? Или любопытно, как я выгляжу сейчас, после произошедшего? Во всяком случае, не хуже её.

Встаю, подхожу к окну. Снег всё идёт. Белый, чистый, замечает следы. Хорошо бы и мне так — замечать, забывать, начинать заново.

Но не получается.

В дверь стучат. Отвечаю не оборачиваясь:

— Войдите.

— Волина, вы тут? — голос Каримова.

— Здесь.

Он подходит, встаёт рядом. Тоже смотрит в окно.

— Красиво, — говорит он. — Снег. Я люблю снег.

— Я тоже любила.

— А сейчас?

Молчу. Пожимаю плечами.

Он поворачивается ко мне:

— Что случилось? Лена сказала, вы с поста пришли сама не своя.

— Лена много говорит.

— Лена переживает. И я переживаю.

Чуть не роняю челюсть. Смотрю на него. В его тёмных глазах — тепло. Странное, непривычное. То, чего от него не ждёшь.

— Она приходила, — сама не понимаю, с чего откровенничаю. Хотя, что скрывать, вся больница уже в курсе. — Любовница моего мужа.

Каримов молчит. Только чуть приподнимает бровь.

— Понятно.

— Что понятно?

— Пришла убедиться, что вы страдаете. Что вы раздавлены. Что она победила.

В тёмных глазах — ни капли осуждения, только понимание.

— И что мне делать?

— Ничего. Работать. Жить. Быть счастливой. Это лучшая месть.

— Я не умею быть счастливой.

— Научитесь. — Он улыбается уголками губ. — Я помогу.

Удивляюсь собственным ощущениям. Привычного раздражения нет. За несколько минут, пока он рядом, внутри перестало дрожать. Холод отступил. Ещё час назад не могла представить, что скажу ему:

— Спасибо, Рустам.

— Пожалуйста, Ася.

Мы впервые называем друг друга по имени. Он уходит. Я остаюсь у окна. Снег всё идёт. Белый, чистый, замечает следы.

Впервые посещает мысль: может, и правда, можно начать заново?

Смартфон вибрирует. Сообщение от неизвестного номера: «Ася Григорьевна, простите меня. Я не хотела. Я дура. Простите».

Катя никак не успокоится!

Пальцы сами набирают ответ: «Не пиши мне больше. Никогда».

Отправляю. Блокирую номер.

Кладу телефон на подоконник. Смотрю на снег.

Работа. Жизнь. Счастье. Может, ещё не поздно вскочить в последний вагон?

Захожу в палату к переведённому из реанимации Саше. Он уже улыбается, мать сидит рядом, держит за руку.

— Доктор, — говорит она, вставая. — Спасибо вам огромное. Вы его спасли.

— Я ещё не спасла, Ольга Ивановна. Операция впереди. Но шанс есть, и это главное.

— Мы верим. Мы вам верим!

Смотрю на них. На мать, которая не спит ночами. На сына, который борется, не сдаётся. Им намного хуже, чем мне. Вот зачем я здесь! Вот зачем я нужна в этом мире! Вот почему должна жить!

Ради них. Ради таких, как они.

А всё остальное — потом...

Когда-нибудь.

## Глава 6

Ночное дежурство. Тишина. Редкая роскошь в нашей больнице. Я сижу в ординаторской, пью четвёртую чашку кофе и смотрю в окно. За стеклом — тёмный город, редкие огни, мокрый снег, который всё идёт и идёт. Белые хлопья падают на асфальт и тут же тают, превращаясь в грязь.

Думаю о Саше. Завтра придут результаты биопсии. Если всё хорошо, через две недели будем оперировать. Если нет... Вздыхаю. Лучше не думать. Только хорошее.

Телефон на столе взрывается резким звонком. Приёмный покой.

— Ася Григорьевна, — голос дежурного врача срывается на фальцет. — Ножевое ранение в шею. Мужчина тридцать лет. Задело сонную артерию. Кровь хлещет, мы еле зажали. Срочно нужна операционная.

Вскакиваю, на ходу натягиваю халат:

— Готовьте операционную. Каких сосудистых вызвали?

— Никого, Ася Григорьевна. Сосудистые на другой операции, уже три часа, там сложный случай, освободятся не скоро.

— Чёрт. Вызывайте из дома!

Бегу в операционный блок. В голове мысль: торакальный хирург и сонная артерия — не самое частое сочетание. Я, конечно, знаю анатомию, но сосудистая хирургия — не моя стихия. А здесь каждая секунда на счету.

Влетаю в операционную. Пациент уже под наркозом, на шее — давящая повязка, пропитанная кровью. Анестезиолог мечется, медсёстры подают инструменты. Лена смотрит на меня растерянно:

— Ася Григорьевна, без сосудистого мы не справимся. Там же каротидный треугольник, рядом блуждающий нерв, ярёмная вена...

— Знаю, Лена. — Смотрю на рану. Кровь продолжает сочиться, повязка не держит. Ещё немного — и пациент истечёт кровью прямо на столе.

— Вызывайте Каримова, — говорю я.

— Но он не дежурный, он дома. Первый выходной за...

Перебиваю:

— Он ближе всех. Вызывайте, если он уже не в дороге. Скажите, что выполняете мой приказ.

Пока Лена звонит, я начинаю обрабатывать рану. Работаю быстро, но осторожно. Расширяю доступ, пытаюсь увидеть, что там. Артерия действительно задета, боковое ранение, но не разрыв. Если бы разрыв — пациент не доехал бы до больницы.

— Давление падает! — нервничает анестезиолог.

Командую:

— Зажим!

Лена подаёт инструмент. Я накладываю зажим проксимальнее ранения, пережимаю артерию. Кровь останавливается.

— Давление стабилизируется.

Выдыхаю. Пока есть время. Но, чем дольше артерия пережата, тем выше риск ишемии мозга.

Двери операционной распахиваются.

Каримов.

Он влетает, на ходу натягивая стерильные перчатки. Лицо сосредоточенное, взгляд острый. Смотрит на рану, на зажим, на меня.

— Молодец, — бросает коротко. — Дальше я.

Он встаёт напротив. Теперь мы по обе стороны операционного стола. Я держу рану расширенной, он начинает работать.

Мы работаем молча. Только короткие фразы: «Зажим», «Отсос», «Нить». Я подаю, он шьёт. Или он подаёт, я держу. Мы двигаемся синхронно, будто делали это сотни раз.

Смотрю на его руки. Длинные пальцы, уверенные движения, ни одного лишнего. Он работает, как музыкант — чисто, точно, вдохновенно.

Иногда наши взгляды встречаются поверх раны. В его глазах — концентрация и что-то ещё. Уважение? Признание? Не знаю. Но в какой-то момент я перестаю чувствовать усталость. Только общий ритм, синхронность, единство.

— Готово, — говорит он наконец. — Снимайте зажим.

Я медленно убираю инструмент. Кровь не идёт. Шов держится.

— Давление в норме, — докладывает анестезиолог. — Пульс хороший.

Мы смотрим друг на друга. У него на лбу капли пота, маска съехала набок, глаза блестят. Я, наверное, выгляжу не лучше.

— Ушиваем, — командую я.

Лена подаёт иглодержатель. Я закрываю рану послойно. Каримов стоит рядом, наблюдает. Потом помогает — держит края, подаёт салфетки.

Последний шов на коже. Всё. Выдыхаю:

— Отдавайте в реанимацию. Наблюдать особо. Риск отёка мозга.

— Сделаем, — кивает анестезиолог.

Пациента увозят. Операционная пустеет. Мы остаёмся вдвоём.

Стягиваю перчатки. Руки дрожат — адреналин отпускает. Иду к раковине, долго мою руки. Смотрю на себя в зеркало. Лицо серое, под глазами синева, волосы прилипли ко лбу. Я похожа на приведение.

Каримов подходит к соседней раковине. Тоже моет руки. Молча.

Потом протягивает мне стакан воды.

— Выпейте, Волина.

Беру. Пью. Вода прохладная, приятная. Горло саднит — я даже не заметила, как пересохло.

— Вы всегда так работаете? — спрашивает без насмешки. — Как робот?

Смотрю на него. В его глазах — усталость и теплота.

— А вы всегда лезете в душу? — отвечаю вопросом на вопрос.

Он усмехается:

— Только когда вижу родственную душу.

Я замираю. В его глазах — не игра, не флирт, не насмешка. Там то, что давно не видела в чужих глазах.

— Родственную? — переспрашиваю, не веря ушам.

— А вы не чувствуете? — Он опирается спиной о стену, скрещивает руки на груди. — Мы оба здесь не просто так. Оба спасаем, потому что не можем иначе. Если остановимся — рухнем. Работа — единственное, что нас держит.

Молчу. Потому что он прав.

— Я знаю, что у вас случилось, — продолжает он. — Не в деталях, но знаю. И я знаю, каково это — когда твой мир рушится, а ты продолжаешь стоять, потому что надо. Потому что кто-то ждёт твоей помощи.

— Вы тоже? — спрашиваю с удивлением.

Он кивает:

— Жена умерла два года назад. Рак. Быстро, за три месяца. Я думал, что тоже умру. Но у меня дети. Двое пацанов. И работа. — Он пожимает плечами. — Так что да. Я знаю.

Смотрю на него и вижу ту же боль, что у меня. Только страшнее, выношенную, пережитую, но не ушедшую.

— Мне жаль, — говорю тихо.

— Мне тоже. — Он с горечью улыбается уголками губ. — Но мы справляемся. Вы справляетесь. Я справляюсь. Значит, есть зачем.

Мы стоим в коридоре операционного блока. Грязные, уставшие до предела. Между нами не та тишина, что была раньше. Не враждебная, не напряжённая. Другая. Тёплая.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.